

RU

Семантика единства в этнополитическом медиадискурсе (на материале официальных телеграм-каналов государственных органов и должностных лиц Российской Федерации)

Голиков Л. М.

Аннотация. Цель исследования – определить семантические характеристики репрезентации единства в официальном этнополитическом медиадискурсе. В статье устанавливается содержательная и прагматическая зависимость медиатекста от политико-правового дискурса, фиксируются прецедентные феномены, лежащие в основе модели репрезентации единства. В ходе исследования формулируется семантический инвариант единства, выделяются отдельные состояния единства, обладающие положительным, нейтральным и отрицательным аксиологическими статусами. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые медийные тексты официальных телеграм-каналов органов власти и должностных лиц Российской Федерации рассматриваются как неотъемлемая часть институционального политико-правового дискурса, призванная давать оценку социально-политическим реалиям на предмет соответствия идеологическим представлениям государства с точки зрения утилитарной ценности, или полезности в достижении определенных задач. В результате исследования утверждено, что семантика единства является конституирующим признаком официального этнополитического медиадискурса, реализуется как аксиологически мотивированный инструмент персуазивного воздействия.

EN

The semantics of unity in the ethno-political media discourse (based on the material of the official Telegram channels of government bodies and civil servants of the Russian Federation)

Golikov L. M.

Abstract. The aim of the study is to identify the semantic characteristics of unity representation in the official ethno-political media discourse. The paper determines the content and pragmatic dependence of a media text on the political and legal discourse, records the precedent phenomena underlying the model of unity representation. The researcher formulates the semantic invariant of unity, distinguishes separate states of unity with positive, neutral and negative axiological statuses. The work is novel in that it is the first to consider media texts found in the official Telegram channels of government bodies and civil servants of the Russian Federation as an integral part of the institutional political and legal discourse designed to assess socio-political realities for compliance with the ideological notions of the state in terms of utilitarian value, or usefulness in achieving certain tasks. As a result of the study, it is stated that the semantics of unity is a constituent feature of the official ethno-political media discourse implemented as an axiologically motivated tool of persuasive influence.

Введение

В настоящее время востребованными являются работы, посвященные семантике единства/единения (Гаврилова, 2010; Громыко, 2023а; Джоиева, Тамерьян, 2017; Дубровская, Кислицина, Леонтьева и др., 2022; Щетинина, 2022; Поздеев, Русских, 2018; Руженцева, 2013). Такое внимание к языковой и дискурсивной реализации значения межэтнической интегративности обусловлено прежде всего вектором государственной национальной политики России, нацеленной на формирование субъекта, определяемого формулой *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* (Голиков, 2023). Следует отметить, что на современном этапе «единство является основным политическим лозунгом русского политического дискурса»

(Гаврилова, 2010, с. 15), когда «идея национального единения реализуется в контексте общегосударственного строительства, объединяющего всех граждан страны безотносительно к национальной принадлежности» (Щетинина, Семёхина, 2021, с. 21).

Актуальность настоящего исследования обуславливается прежде всего неполнотой лингвистического представления о единстве как категории, во многом организующей политический дискурс: до сих пор остаются нераскрытыми риторические, прагматические, акциональные формы и способы репрезентации семантики интегративности (Громыко, 2023b, с. 3252). Кроме того, в настоящее время наиболее остро ощущается необходимость объективной оценки эффективности «языка власти» (Блакар, 1987), используемого в качестве дискурсивного механизма регулирования этнополитических процессов в современных социокультурных условиях, когда достижение солидаризации граждан признается едва ли не единственным способом решения внутренних и внешних проблем государства и ответа на вызовы, стоящие сегодня перед Россией.

Данные обстоятельства в первую очередь предполагают выявление модели репрезентации единства как смысла, определяющего официальный медиадискурс, посвященный вопросам национальной государственной политики.

Для достижения подобной цели требуется решить ряд задач:

- выделить в образцах официального этнополитического медиадискурса контексты, которые реализуют семантику единства;
- выявить прецедентные феномены, лежащие в основе репрезентации единства;
- описать дискурсивный семантический инвариант единства;
- определить аксиологический статус отдельных состояний единства.

Данные исследовательские задачи определили выбор следующих методов. Отбор материала производился с помощью сплошной выборки интересующих нас контекстов из тематически однородных текстов, освещающих вопросы национальной государственной политики, функционирующих в условиях официальных телеграм-каналов органов власти и отдельных должностных лиц. Для установления семантики единиц, репрезентирующих единство, применялись методы компонентного и контекстуального анализа, анализа словарных дефиниций. В качестве лексикографического источника использовался Словарь русского языка (в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999 (далее – МАС)).

Материалом для исследования послужил фрагмент официального этнополитического медиадискурса, представляемый текстами официальных телеграм-каналов Президента Российской Федерации (Кремль. Новости. https://t.me/news_kremlin), Правительства России (Правительство России. https://t.me/government_rus), Министерства культуры (Министерство культуры Российской Федерации. <https://t.me/mincultrussia>), глав регионов: А. Цыденова (Алексей Цыденов. <https://t.me/alexeytsydenov>), Б. Хасикова (Бату Хасиков. <https://t.me/BatuKhasikov08>), Р. Кадырова (Рамзан Кадыров. https://t.me/kadyrovcy_akhmat_chechency), К. Кокова (Казбек Коков. https://t.me/Kokov_Kazbek), С. Меняйло (Сергей Меняйло. <https://t.me/sergeymeniaylo>). Данные медиатексты рассматривались как дискурсивно зависимые от Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, в ред. от 06.12.2018 (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/).

Теоретическую базу исследования составили труды, посвященные семантике единения/единства в условиях дискурсов политико-правового характера (Гаврилова, 2010; Дубровская, 2022; Щетинина, Семёхина, 2021). В своей работе мы опирались на представление о том, что единение/единство, будучи «ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века», который «находится в состоянии “лексической эластичности”» (Гаврилова, 2010, с. 18), оценивается в качестве дискурсивного инструмента решения «задач развития государства и национальной безопасности» (Щетинина, Семёхина, 2021, с. 24-25), репрезентируется как атрибут внутренней и внешней политической деятельности Российской Федерации, обладающий положительным аксиологическим статусом (Дубровская, 2022, с. 264).

При исследовании учитывались дистинктивные признаки политического медиадискурса, к которым относятся обязательная реализация лингвокультурологической категории «свой – чужой», подчиняющей себе прецедентность и ценностность (Иванова, 2008, с. 31-32), временная (Иванова, 2008, с. 31) и событийная актуальность (Желтухина, 2004, с. 23), суггестивность, предполагающая трансформацию «идеи в коллективные образы и действия» (Желтухина, 2004, с. 27) с помощью ценностных аргументов (Марьянчик, 2015).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его материалы для преподавания учебных курсов, освещающих вопросы речевой деятельности в современных массмедиа. Кроме того, полученные результаты могут лечь в основу разработки рекомендаций по повышению эффективности официального этнополитического медиадискурса.

Обсуждение и результаты

В настоящей статье мы исходим из предположения о том, что официальный медиадискурс, посвященный этнополитическим проблемам, является неотъемлемой частью институционального политико-правового дискурса и во многом зависит от Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия), которая, по сути, выступает прецедентным текстом, обладая в силу своих жанровых характеристик очевидной значимостью «в познавательном и эмоциональном отношении» (Караулов, 2010, с. 216). Данный документ относится к политико-правовым текстам, которые

«ориентированы на будущее и дискурсивно конструируют и кодифицируют нормативный социальный порядок» (Дубровская, 2022, с. 215). В этом плане Стратегия предлагает в качестве «идеального» итога национальной политики базовую для институционального этнополитического дискурса идеологему, основывающуюся на семантике, сочетающей компоненты 'единство' и 'цельность', находящей выражение на правовом, социокультурном и субъектном уровнях (Голиков, 2023, с. 21).

В свою очередь, этнополитический медиадискурс являет собой текст, «взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» (Желтухина, 2004, с. 23), то есть он призван отражать «сиюминутный срез» (Иванова, 2008, с. 29) этнополитической ситуации в стране, соотнося реальное состояние социума с представлениями государства об «идеальном». Если перефразировать приведенный выше тезис Т. В. Дубровской (2022), посвященный политико-правовому тексту, официальный этнополитический медиатекст погружен в настоящее и дискурсивно оценивает его на соответствие норме, более того, контролирует и корректирует реакции адресата «посредством формирования определенных общесоциальных или коллективных ценностных ориентаций» (Марьянчик, 2015, с. 151).

Стратегия государственной национальной политики, по нашим наблюдениям, предлагает официальному этнополитическому медиадискурсу ряд прецедентных феноменов, «отражающих основные узлы и особенности устройства... социальной картины мира», обладающих признаками наличия сверхличностного характера, неоднократностью обращения в дискурсе (Караулов, 2010, с. 216, 219), законченностью и сложностью, когда сумма значений компонентов не равна смыслу высказывания (Касаткин, 2021, с. 73). К прецедентам, на которые опирается медийный текст, относятся прежде всего коллокации, описывающие приемы каузации единства как признака, имеющего внешние проявления, определяемые с помощью лексем *единство*, *мир*, *согласие*, *межнациональные (межэтнические) отношения: укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)* (Стратегия, п. 36); *укрепление национального согласия* (Стратегия, п. 17); *обеспечение межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российской Федерации* (Стратегия, п. 5), где *обеспечение* называет действие 'Создать все необходимые условия для осуществления чего-л., гарантировать что-л.' (МАС, т. 2, с. 529). Данный процесс в политико-правовом тексте может уточняться приведением в состояние гармонии, если под ним понимать «согласие» или «согласованность» (ср. значение наименования *гармония* – 'Взаимное соответствие (предметов, явлений, частей целого, качеств и т. п.)' (МАС, т. 1, с. 301)): *обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений* (Стратегия, п. 21). Такие приемы представляют собой часть целесообразного плана достижения единства как определенного состояния субъекта национальной политики, репрезентируемого в качестве диффузной нормы правового и идеологического характера (Голиков, 2023). Однако официальный этнополитический медиадискурс предполагает семантику единства не только в качестве важного инструмента воздействия на адресата, но и в качестве семантического фундамента для конструирования дискурса в целом как продукта социума, нацеленного на интеграцию.

В пространстве медийного этнополитического дискурса наименование *единство* реализует концептуальный инвариант 'Единство – могущество, власть, авторитет российского государства' (ср. значение наименования *сила* (МАС, т. 4, с. 91)), вербализуемый прежде всего в лозунгах: *В одном из своих выступлений наш Президент Владимир Владимирович Путин сказал: «Сила России – внутри нас самих, она внутри нашего народа, в наших людях, в наших традициях и нашей культуре, в нашей экономике, в огромной нашей территории и природных богатствах, в обороноспособности, конечно. Но самое главное – наша сила, безусловно, в единстве нашего народа»* (Сергей Меняйло, 04.11.23); *Культуру России невозможно отменить, ведь в ее основе – единство более 190 народов. И в этом наша сила* (Бату Хасиков, 04.11.22).

Единство – это достигнутое, «абсолютное, предельное состояние» (Щетинина, Семёхина, 2021, с. 19) определенных этнополитических акторов, семантика которого определяется в контексте официального медиатекста рядом регулярно употребляемых синонимов *мир/согласие/дружба/братство* как 'Состояние общности отдельных этнополитических акторов, основанное на отсутствии разногласий, вражды или ссоры' (МАС, т. 1, с. 112, 449; т. 2, с. 275; т. 4, с. 178): *Опираясь на непреходящие духовные ценности, российские мусульмане вносят достойный вклад в укрепление межнационального мира и согласия в обществе* (Кремль. Новости, 02.05.2022); *Еврейская община России вносит большой вклад в сохранение традиций и обычаев... Многого делает для укрепления межрелигиозной и межнациональной дружбы* (Правительство России, 05.04.2023); *Мы не должны забывать, что наша сила в единстве. <...> Но никто и никогда не сможет одолеть нас, пока мы – представители многонациональной России – будем связаны крепкими узами братства и любовью к общей Родине!* (Рамзан Кадыров, 23.12.2022); *...способствует обеспечению гармонии и согласия между представителями различных вероисповеданий и народов* (Рамзан Кадыров, 20.11.2021). Следует отметить, что этнополитический медиадискурс незначительно в сравнении со Стратегией расширяет данный ряд, дополняя его только традиционным для медийной коммуникации наименованием *братство*.

Содержание единства как состояния может конкретизироваться признаками 'Согласованность действий', 'Согласие в понимании', 'Согласие в уважении', определяемыми активными в этнополитическом медиадискурсе наименованиями *взаимопонимание*, *взаимоуважение*, *взаимодействие* и, как вариант, сочетанием с *взаимное уважение* (МАС, т. 1, с. 161-162): *...наши совместные усилия в этой важнейшей сфере будут и впредь способствовать... укреплению традиций взаимопонимания и взаимоуважения, мира и согласия в республике* (Казбек Коков, 07.01.2023); *Традиции добрососедства и взаимоуважения, исторический опыт межкультурного взаимодействия – гордость и общее достояние народа России. И потому вопросы обеспечения межнационального*

и межрелигиозного согласия, упрочения единства... – в числе неизменных, значимых, ключевых приоритетов (Кремль. Новости, 16.11.2022); *...российские евреи вносят весомый вклад в сбережение культурного многообразия нашей страны, в укрепление межнационального согласия, принципов взаимного уважения и веротерпимости* (Кремль. Новости. 25.09.2022).

В наиболее общем представлении состояние единства в этнополитическом медиатексте утверждается как существующее вне времени (Воскресенская, 1973) с помощью коллокации *жить в единстве/дружбе/согласии/мире*, организуемой глаголом в значении настоящего неактуального действия (Русская грамматика, 1980, с. 630–631), в значении будущего предсказания, обладающего обязательной потенциальностью, неконтролируемостью (Стойнова, 2018) или в значении прошедшего действия в его постоянном существовании (Русская грамматика, 1980, с. 631): *Это касается и Кабардино-Балкарской Республики, где люди живут и будут жить в единстве, дружбе и согласии...* (Казбек Коков, 19.09.2023); *Мы живем в многонациональной и многорелигиозной стране. Жили и живём в мире и согласии* (Рамзан Кадыров, 24.08.2018).

Репрезентация единства официальным этнополитическим дискурсом предполагает использование аксиологической шкалы, в которой выделяются полярные «добро», «зло» и нейтральное положение, мотивированные связью единства с иными явлениями: наличие данного признака – причина «положительно ценного», нейтральное состояние – «нулевого ценного», а его деструкция в той или иной степени порождает «отрицательно ценное» (Ивин, 1970, с. 143). То есть единство, его различные состояния рассматриваются в медиатексте с точки зрения утилитарной ценности, способности «быть полезным или благоприятствовать выполнению некоторой задачи» (Арутюнова, 1999, с. 191), соотношенной с идеологическими представлениями российского государства.

Утилитарная оценка в медиадискурсе может представляться вне времени. В этом случае единство связывается с достижением «добра» в наиболее общем представлении, ср. значение наименования *благо* (МАС, т. 1, с. 92): *Это касается и Кабардино-Балкарской Республики, где люди живут и будут жить в единстве, дружбе и согласии, сохраняя свою культуру, родные языки, семейные и народные традиции, созидая во имя процветания нашего Отечества, общего блага и будущих поколений* (Казбек Коков, 19.05.2023); *...сегодня на территории России в дружбе, мире и согласии проживают десятки различных народов с разной культурой, ценностями и религией. Но всех нас объединяет любовь к нашей Родине, желание жить и трудиться во благо нашего общего дома* (Рамзан Кадыров, 04.11.2023).

Однако для официального этнополитического медиатекста чрезвычайно важен актуальный социокультурный контекст: он предназначен выполнять прагматические задачи через «упоминания разного рода реалий, исторических событий, ключевых слов той или иной исторической эпохи, которые “привязывают” текст к генерирующему его лингвокультурному пространству и делают его понятным “здесь и сейчас”» (Иванова, 2008, с. 31). Конкретизация временного плана при выражении утилитарной ценности является основным способом повышения степени «аутентичности высказывания» для максимально эффективного «обращения к культурной идентичности аудитории», чтобы «разграничивать мир на своих и чужих» (Иванова, 2008, с. 31–32).

Например, констатация актуального наличия единства выступает регулярным приемом выражения очевидно положительной оценки, так как подобное состояние репрезентируется в качестве обязательного инструмента достижения успеха российского государства в определенном противостоянии. Единство таким образом представляется как аксиологическая норма, которая не может не занимать позитивную часть шкалы (Арутюнова, 1999, с. 84): *Мы не должны забывать, что наша сила в единстве. Сегодня это единство демонстрируют доблестные воины, представители различных национальностей, которые противостоят на Украине объединённым силам Запада, цель которых, как и многие столетия назад, разобщить и уничтожить Россию* (Рамзан Кадыров, 23.12.2022).

Актуальному наличию единства противостоят конкретизированные во времени ситуации деструкции единства, которые репрезентируются как негативно оцениваемые отклонения от нормы. Ряд подобных ситуаций в официальном этнополитическом медиатексте не ограничен, так как является «актом таксономии» (Арутюнова, 1999, с. 572) aberrаций, имевших место в определенной социокультурной реальности. В этом плане официальный этнополитический дискурс является наиболее свободным от своего политико-правового источника. Приведем некоторые примеры, цель которых прежде всего – определить «врага», так как «политический медиа-дискурс, per definitionem, не может быть свободен от разграничения адресата на принадлежащих кругу своих и “иных”, чуждых, или чужих» (Иванова, 2008, с. 31): *Обращаюсь и к тем, кого обманом или угрозами втянули в преступную авантюру, толкнули на путь тяжкого преступления – вооружённого мятежа. Россия сегодня ведёт тяжелейшую борьбу за своё будущее, отражает агрессию неонацистов и их хозяев. <...> И потому действия, которые раскалывают наше единство, – это, по сути, отступничество от своего народа, от боевых товарищей, которые сражаются сейчас на фронте. Это удар в спину нашей стране и нашему народу (Министерство культуры Российской Федерации, 24.06.2023); Да, нашей молодежи в душу // Коварный враг стучится все сильней. // Он ищет слабину, чтобы порушить // Сплоченность нации, чтоб разобщить людей (Алексей Цыденов, 20.02.2023); Мы видим, какое агрессивное внешнее давление сейчас оказывается на Россию, на всё наше общество. Развёрнута мощнейшая антироссийская пропаганда. Атаки на нашу историю, культуру, духовные ценности не прекращаются, так же, как и попытки вбить клин в согласие, братство народов нашей страны (Сергей Меняйло, 20.05.2023).*

Нейтральный аксиологический статус реализуют наименования *межнациональные/межконфессиональные отношения, межрелигиозный/межнациональный диалог*, называя связь этнополитических акторов без ее оценочной характеристики. Однако подобное состояние определяется автором этнополитического медиатекста не соответствующим норме, следовательно, обязательно требующим изменения аксиологического статуса, что подтверждается активностью коллокации, организованной предикатом *гармонизация: ...подведомственные Минкультуры*

России научные институты ежегодно проводят работу по темам, посвященным гармонизации межнациональных отношений (Министерство культуры Российской Федерации, 17.11.2022); *Отрадно, что нынешнее поколение последователей этой древней религии бережно хранит ее непреходящие ценности... направляет свои усилия на гармонизацию межрелигиозного и межнационального диалога* (Алексей Цыденов, 17.08.2023). Соответственно, результат приведения нейтрального состояния к взаимному соответствию (*гармоничные отношения*) получает несомненную положительную оценку: *Сейчас очень важно сохранять гармоничные межнациональные отношения. И такие форматы общения позволяют объединять весь многонациональный народ России* (Бату Хасиков, 23.11.2022).

Такая аксиологическая характеристика позволяет утверждать, что автор официального этнополитического текста предполагает единство в качестве аксиологически мотивированной нормы, призванной убеждать адресата.

Заключение

В качестве выводов возможно представить следующие положения.

Официальный этнополитический медиадискурс как часть институционального политико-правового дискурса находится в содержательно-концептуальной (идеологической) и прагматической зависимости от Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, что выражается в необходимости медиатекста давать дискурсивную оценку современным социально-политическим реалиям на предмет соответствия тем нормам, которые формулирует политико-правовой документ.

Такая зависимость позволяет медиатексту использовать Стратегию в качестве источника прецедентных феноменов, лежащих в основу репрезентации единства.

Репрезентация семантики единства в условиях этнополитической медийной коммуникации опирается на концептуальный инвариант 'Единство – могущество, власть, авторитет российского государства'.

Основанием аксиологической оценки единства является способность содействовать достижению результата, соотносимого с идеологическими представлениями российского государства в сфере национальной политики.

Единство может определяться вневременным утилитарно положительным инструментом достижения «добра».

Конкретизированное во времени единство репрезентируется как актуально существующее, находящееся в нейтральном состоянии или в состоянии актуальной деструкции. Первое оценивается положительно как безусловный инструмент достижения успеха российского государства в каком-либо прошлом, настоящем или будущем противостоянии; второе представляется требующим обязательного изменения статуса с нейтрального на положительный; третье репрезентируется как негативно оцениваемые ситуации нарушения нормы с определением образа «врага».

В целом мы можем констатировать, что семантика единства конституирует официальный этнополитический медиадискурс, реализуется как аксиологически мотивированный инструмент персуазивного воздействия.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно предположить выявление и каталогизацию маркеров этнической интеграции (на уровне лексики, фразеологии, изобразительно-выразительных средств) в более широком круге современных медиатекстов, в том числе и неофициального характера.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987.
3. Воскресенская И. В. О вневременном значении // Русская речь. 1973. № 5.
4. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX-XXI веков // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34).
5. Голиков Л. М. Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация): дискурсивная репрезентация политического субъекта // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27>
6. Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем единство и единение) // Научный диалог. 2023а. Т. 12. № 5. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54>
7. Громыко С. А. Словосочетания со значением этнической интегративности на страницах социальных сетей органов государственной власти России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023б. Т. 16. Вып. 10. <https://doi.org/10.30853/phil20230505>
8. Джигоева В. П., Тамерьян Т. Ю. Реализация концептов единство/иудзинад в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия // Политическая лингвистика. 2017. № 4.
9. Дубровская Т. В. Маркеры единения в правовом и политико-правовом дискурсе // Дубровская Т. В., Кислицина А. Н., Леонтьева Т. В., Ребрина Л. Н., Семехина А. С., Щетинина А. В. Лики единения в языке и дискурсе: монография. Екатеринбург: Ажур, 2022.
10. Дубровская Т. В., Кислицина А. Н., Леонтьева Т. В., Ребрина Л. Н., Семехина А. С., Щетинина А. В. Лики единения в языке и дискурсе: монография. Екатеринбург: Ажур, 2022.
11. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дисс. д. филол. н. М., 2004.

12. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 24.
13. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского университета, 1970.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
15. Касаткин М. Л. Прецедентные высказывания как лингвопрагматическое средство отражения общественно-политических реалий Германии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1.
16. Марьянчик В. А. Аксиологический потенциал формы медиаполитического текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 6.
17. Поздеев И. Л., Русских Т. Н. Роль этнических стереотипов в процессе межэтнического взаимодействия (на примере удмуртского этноса) // Манускрипт. 2018. № 11-1 (97). <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.12>
18. Руженцева Н. Б. Интеграционные процессы в межнациональном взаимодействии: смена парадигм // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46).
19. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1.
20. Стойнова Н. М. Будущее время. 2018. http://rusgram.ru/Будущее_время
21. Щетинина А. В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века: идеографический словарь. Екатеринбург: Ажур, 2022.
22. Щетинина А. В., Семёхина А. С. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 1.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00854, <https://rscf.ru/project/23-28-00854/>.

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00854, <https://rscf.ru/project/23-28-00854/>.

Информация об авторах | Author information

Голиков Леонид Михайлович¹, к. филол. н., доц.
¹ Вологодский государственный университет

Golikov Leonid Mikhailovich¹, PhD
¹ Vologda State University

¹ LGolikov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.10.2023; опубликовано online (published online): 11.12.2023.

Ключевые слова (keywords): семантика единства; политико-правовой дискурс; официальный этнополитический медиадискурс; аксиологическая оценка; semantics of unity; political and legal discourse; official ethnopolitical media discourse; axiological assessment.